

ПРОБЛЕМАТИКА СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ И АНТРОПО-КОММУНИКАТИВНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ⁶

Шульга Елена Николаевна

Институт философии РАН,
Москва

Изучение рациональности традиционно связано с философским опытом освоения научно-теоретического пространства, в контекст которого сегодня активно включаются вопросы социального и культурно-исторического значения. Для исследователей это означает, что, с одной стороны, появляется острая необходимость в определении статуса самой рациональности как деятельности мышления и познания. С другой стороны, включение социокультурного аспекта изучения в проблематику рациональности делает актуальным поиск новых методов и подходов, адекватных столь сложному объекту.

Рациональность, познание сущности которой происходит на общем фоне рассмотрения условий становления рационального мышления в сфере научной деятельности, может рассматриваться в качестве методологического образца понимания рациональной коммуникации внутри социума. В основе этого взгляда на проблему лежит уверенность в том, что существует определенная закономерность как в формировании конкретного стиля мышления, так и в формировании рациональных образцов социального поведения, в организации кросс-культурного диалога. Такие «образцы» рационального поведения, действия и диалога возникают в культуре не случайно – они коренятся в «образе мира», в наших представлениях об организации мира с его рационалистической онтологией и установкой на основополагающее определение самого разума (*рационально то, что разумно!*).

В целом, при всей широте проблематики рациональности и концептуальном многообразии существующих подходов к рациональности, мы, тем не менее, будем придерживаться точки зрения, согласно которой разумность научного познания и разумность социальной реальности рассматриваются как соотнесенные друг с другом. Безусловно, на этом пути неизбежно появление сразу нескольких относительно самостоятельных проблем философско-методологического значения. Для научного познания – это проблема типологии рациональности с поиском соответствующих оснований для построения такой типологии. Для социокультурной ситуации –

6

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Кросс-культурный диалог и коммуникативно-антропологическая рациональность в условиях вызовов информационного общества» № 17-23-01010.

это выяснение дополнительных условий выражения рациональности (философского, эпистемологического и герменевтического значения), при которых связь между тем, например, как мы понимаем действительность и как мы ее объясняем – становится очевидной, но требует дополнительной аргументации. Кроме того, необходимо прояснить смысл основополагающих понятий, которые помогают концептуальному выражению тех знаний о специфике рациональности, которые мы стремимся получить в результате исследования социокультурного аспекта. Таким образом, сама проблематика рациональности нуждается в конкретизации и концептуальном обосновании, в особенности в связи с определением статуса антропологической рациональности, рассматриваемой в контексте социальной коммуникации.

Как известно, философское обоснование научной проблемы связано с поиском таких оснований, в которых находит отражение специфика самого предмета исследования – в нашем случае речь идет о специфике антропо-коммуникативной рациональности.

Следует подчеркнуть, что это новое философское понятие, используемое в отношении обоснованных действий, которые мы определяем как рациональные. Однако не только сфера осуществления этих действий (их специфика), но и определение концептуальных границ использования данного понятия требует конкретизации. Такая направленность исследования предполагает последовательное решение ряда задач: во-первых, согласование смыслового содержания рассматриваемого понятия и определение его концептуального контекста; во-вторых, оценка антропо-коммуникативной рациональности как специфической интеллектуальной деятельности и выбор адекватной методологии, что обуславливает выход на фундаментальный уровень философского исследования. Наконец, выявление сущностной характеристики коммуникативно-антропологической рациональности, рассматриваемой в контексте диалоговой рациональности.

Список указанных аспектов, безусловно, будет расширяться по мере овладения предметом исследования. Не исключаю и критики отдельных положений, что, на самом деле, должно указать не столько на уязвимость их или слабую аргументацию, сколько на «открытость» теории к критике. Следует пояснить, что «открытость к критике» – это одно из методологических условий построения теории (или выдвижения концепции), подтверждающее динамичность самой проблематики, поскольку благодаря критике расширяется проблемное поле исследования и укрепляется его научно-теоретическая база. В первую очередь, за счет принципиально новых вопросов, которые возникают у исследователей по мере погружения в рассматриваемую проблематику. Это относится и к коммуникативно-антропологической рациональности, рассматриваемой в контексте межкультурного диалога.

На первый взгляд, понимание сущности коммуникативно-антропологической рациональности не должно вызывать затруднений в силу буквального смысла, который это словосочетание передает, поскольку под антропологической рациональностью понимают специфический характер

деятельности человека. Встает вопрос: что представляет собой антропологическая рациональность, рассматриваемая как феномен в случае ее реализации на уровне коммуникативной деятельности? Как можно предположить, коммуникативный аспект рассмотрения расширяет диапазон обосновываемой концепции рациональности. Поэтому одно из направлений нашего поиска связано с обоснованием *концепции диалоговой антропологической рациональности*, что, по нашему замыслу, должно объединить сформулированные выше задачи исследования.

Итак, различая рациональность мышления и рациональность действия, рациональность ценностей и рациональность знания, рациональность здравого рассудка и научную рациональность, мы выстраиваем типологию рациональности, подразумевая поиск оснований диалоговой антропологической рациональности. Здесь процесс аргументации связан с определением культуры как области, состоящей, по крайней мере, из двух видов рациональности: логики недискурсивного переживания и коммуникативной рациональности, в рамках которой люди согласовывают значения собственных восприятий, вводя их в общий контекст дискурса. При этом содержащийся в сфере социальных действий потенциал смыслов (постигаемых, проговариваемых, интерпретируемых) высвобождается в акте интеракции, благодаря которой как раз и происходит коммуникативное действие. Тем самым диалоговая рациональность воспроизводит приращение смысла; восприятие в свою очередь определяет связи смысла, на которых строится понимание и взаимопонимание людей. Причем процессы интерпретации, происходящие в актах коммуникации, характеризуются как социокультурные действия. К последним относятся и диалоговые коммуникации в науке.

«Коммуникация в науке, – как подчеркивает Я. С. Яскевич, – является необходимым условием ее функционирования и развития. В содержательном плане коммуникация в науке представляет собой совокупность различных видов профессионального общения, а так же взаимодействия исследователей и экспертизы полученных результатов в научном сообществе, обусловленных соответствующими социокультурными условиями, принятыми в культуре» [3, с. 57]. Таким образом, рациональность предполагается везде, где мы соприкасаемся с проявлениями разумной деятельности человека.

На первый взгляд, представление о человеческом разуме и тот смысл, который мы приписываем разумной деятельности (в любых сферах человеческой жизни) как раз и является для нас определяющим в выборе моделей социального поведения, в кросс-культурной коммуникации, научном дискурсе и практической деятельности. Между тем непосредственное признание факта разумности как «осмысленности» действий – это лишь первый шаг к решению проблемы рациональности, нацеленной на *понимание* (чего бы то ни было) и связанного с ним *объяснения*. В особенности, это характерно для выдвижения аргументов в научном объяснении, а так же для объяснения

целенаправленных действий коммуникативного и диалогового характера, направленных к пониманию *другого*.

Напомню, что задача поиска эффективных способов «объяснения» традиционно (и так сложилось исторически) относится к области естественных наук, в отличие от наук гуманитарных с их методологией понимания и интерпретации. Однако в настоящее время существует и получает все более широкое распространение позиция, согласно которой «объяснение и понимание» не противопоставляются, но рассматриваются в контексте единого познавательно ориентированного процесса научного творчества. Так, Б. Г. Юдин справедливо указывает на тот факт, что деятельность по построению научного объяснения (а к ней он относит всю теоретическую деятельность) невозможна сегодня без диалога, без коммуникации и дискурса. В результате, проблема противопоставления объяснения пониманию – снимается. Более того, подчеркивая роль социокультурной детерминации процессов научного познания, Б. Г. Юдин подчёркивает, что «социокультурно детерминированным является то поле представлений, образов, аналогий, мыслительных ходов и т. п., которым оперирует исследователь» [2, с. 52].

Тем самым, посредством диалога конкретизируются условия согласованной рациональной деятельности непосредственно в науке, и эта деятельность сопряжена с такими внутренними, когнитивными проявлениями антропо-коммуникативной рациональности, как осознание общей социокультурной ситуации и схожего понимания контекста обсуждаемой проблемы всеми участниками диалога. Например, «схваченного» в понимании.

В качестве условия успешной коммуникации здесь выступает «язык науки», или, в случае обсуждения философской проблемы – «язык философии», транслирующий общие философские или схожие культурные установки, общий характер знаний и представлений, вплоть до манифестации участниками диалога общих мыслительных стереотипов и т.п. Все это вместе как раз и передает наступление той *социокультурной ситуации*, в которой происходит сближение понимания и объяснения.

Более того, «сама процедура объяснения, – как пишет Б. Г. Юдин, – всегда и с необходимостью строится целенаправленно, причем целенаправленность эта задается тем, что объяснение должно обеспечивать понимание» [2, с. 54].

На основании этого наблюдения легко можно сделать вывод о том, что не только коммуникация предполагает объяснение (и наоборот), но в результате рационально выстроенного диалога как раз и наступает понимание.

Рассматривая проблему соотношения понимания и объяснения в контексте концепции научного познания, предложенной Б. Г. Юдиным, следует обратить внимание на то, что у него движение к пониманию через объяснение образует своеобразную трехмерную структуру. Прежде всего, это собственно рациональная составляющая, которая включает логический и математический аппарат, используемый в качестве каркаса теоретических построений. Их дополняет так называемая операционная составляющая – операции и нормы оперирования; наконец, модальная или образная составляющая,

предполагающая наглядность и образность языка. Первая составляющая представляет собой логический каркас теоретической конструкции, а две последние составляющие рациональной деятельности обеспечивают содержательное наполнение этого каркаса [1, с. 101]. Таким образом, в рассмотренной концепции научного (рационального) познания, сама процедура объяснения весьма схожа с тем, как проходит диалог. На это указывают такие факторы, как соотнесенность процесса познавательной деятельности с текущей социокультурной ситуацией, т. е. учитывается аудитория и общий контекст обсуждаемой темы. Кроме того, это акцент на «тексте», «научном тексте», т. е. опора на концептуальном и теоретическом содержании предмета обсуждения. Другими словами, ученый всегда должен быть внутренне настроен на то, что выдвигаемая им аргументация будет понятна аудитории. Следовательно, такая деятельность должна быть принципиально коммуникативной, поскольку содержит в себе диалогические интенции, т. е. всю ту же дихотомию «понимание – объяснение».

Концепция научного познания Б. Г. Юдина интересна современным философам и весьма актуальна в связи с поиском таких рациональных форм межкультурного диалога и коммуникации, которые могли бы быть соотнесены с объективными процессами, наблюдаемыми не только в науке, но в обществе и культуре в целом. У Юдина, как мы видим, процесс познания не просто рационален или гипотетически приближен к рациональности, но может характеризоваться как широко применимый способ коммуникативной рациональной деятельности в науке и научном творчестве.

Этот же «каркас» коммуникативной *социокультурной ситуации* можно выделить, рассматривая проблему соотношения понимания и объяснения так, как она решается в гуманитарном познании, которое все еще нуждается в исследовании, но которое бы превосходило простую характеристику его как имеющего отношение исключительно к проблеме «понимания».

Аналогичный запрос можно наблюдать в отношении такой широкой гуманитарной сферы, как культура. На уровне оценки современных нам реалий с точки зрения гуманитарной ценности идей, следует признать, что понимание не исключается из так называемого диалога культур, но, напротив, все активнее утверждается значение рационального межкультурного диалога, поскольку именно диалог становится тем достоверным средством обмена смыслами, в результате которого становится возможным понимание и взаимопонимание людей.

Современные философы, изучающие многообразные стороны проявления социальной жизни людей, выделяют две большие, относительно самостоятельные группы социологических теорий: *структурные* или макросоциологические теории и парадигмы, в центре внимания которых общество, условия его организации и структурной целостности; и *интерпретирующие*, или микросоциологические теории и концепции, которые изучают человека, природу его поведения и действия. Особенность этого направления исследований состоит в нацеленности на понимании условий

успешного взаимопонимания людей как внутри определенной группы и сообщества, так и на более широком уровне межкультурного взаимодействия. Появление все новых аспектов изучения социального поведения человека, наряду с выходом на фундаментальный уровень познания, в частности познания природы человека, стимулирует появление таких новых концепций, которые способны составить исследовательскую базу для философского обоснования антропологической рациональной коммуникации. Предполагается, что социальная коммуникация рациональна, если она осуществляется по рациональным правилам. Поэтому особо остро встает проблема выбора критериев рациональности коммуникативно обусловленных действий, ситуативности их видов – изучение этих аспектов коммуникации связано с выходом в сферу эпистемологии и методологии познания.

Важно подчеркнуть, что эпистемологическая оценка антропо-коммуникативной рациональности влечет за собой конкретизацию ее ценностно-нормативных составляющих. Это значит, что, с одной стороны, рациональное поведение людей определяют нормы, принимаемые определенной культурной средой и традицией, а с другой стороны, рациональное поведение регламентируется идеалами общечеловеческого, гуманистического характера. В целом, такое «согласование» знания, норм и идеалов становится определяющим условием успешной коммуникации в диалоге, осуществляемом «по правилам», и эти «правила» сохраняют свои ценностные ориентиры и на уровне межкультурного взаимодействия. Кроме того, основанием успешной коммуникации является внутреннее приятие человеком того факта, что каждый участник интеракции осознает эпистемологические границы, в которых коммуникация становится возможной. Другими словами, он осознает то, что может быть адекватно понят другими.

Наряду с эпистемологическим аспектом изучения, другое направление в исследовании социальной коммуникации связано с проблемой формирования смыслов и значений, сопровождающих коммуникативный акт, что предполагает взгляд на интерпретацию как на интеллектуальную деятельность, основанную на знании ситуации и понимании смысла того контекста, который обсуждают стороны. При этом участники интеракции интерпретируют, соотносят позиции и согласуют точки зрения, достигая взаимопонимания.

К числу известных нам теорий и концепций *интерпретационного направления* в изучении различных аспектов социальной коммуникации, относятся: концепция социального действия, символический интеракционизм, этнометодология, феноменология, герменевтика.

Так, сторонники *концепции социального действия* сходятся во мнении, что поведение людей можно понять и интерпретировать, раскрывая тот смысл и то значение, которое сами люди ему придают. Такова, в частности, позиция Макса Вебера, который полагал, что главная задача социологической науки состоит в изучении социальных действий и их интерпретации с целью понимания. Кроме того, социальная коммуникация призвана показать, как люди (с помощью коммуникативных приемов и методов) воспроизводят социальный мир,

демонстрируя понимание значения тех или иных проявлений социальной жизни.

Еще дальше идет Никлас Луман: он и сближает понятия «коммуникативность» и «социальность», и разводит их. У него любые совместные социальные действия уже есть коммуникация. Поэтому коммуникация характеризуется как процесс атрибутирования, приписывания, конструирования действия, но самим действием не является.

Интересные вопросы коммуникации обсуждаются в рамках *этнометодологии*. Ее центральная идея сводится к утверждению, что процедуры описания действий тождественны действиям, с помощью которых участники коммуникации создают повседневную действительность. Такое взгляд на процесс коммуникации можно характеризовать как отождествление описания действительности с самой коммуникативной деятельностью (например, как два аспекта одного и того же явления). Иначе говоря, рациональность поведения в акте коммуникации выявляется в самом поведении, т. е. раскрывается непосредственно в результате реально происходящей здесь и сейчас коммуникации.

Между тем для понимания смысла того или иного социального действия необходима концентрация усилий на наблюдении и объяснении *мотивов* самого этого действия. Тот же самый принцип (метод наблюдения с последующим объяснением) сопровождает нашу повседневную жизнь и применяется в отношении истолкования событий, которые представляются нам важными. Предполагается при этом, что вещи, предметы, события воспринимаются точно так же другими людьми. С методологической точки зрения это значит, что здесь вступает в силу принцип очевидности объектов и смыслов, им предписанных (реализуясь через соотношение, или фактор «наблюдение – объяснение»). На более глубоком уровне этот феномен восприятия можно характеризовать как общую для всех людей способность понимания. Эта когнитивная способность проявляет себя и раскрывается на уровне социальной коммуникации как культурно-исторической адаптации смыслов к предметам, их выражающим. Поэтому можно утверждать, что существует отношение очевидного соответствия между тем, как высказывается нами то или иное намерение, и тем, как оно воспринимается другими людьми.

Аналогичная зависимость существует между сообщенными фактами, идеями, выдвинутыми гипотезами, предположениями, догадками, между пересказом мнений и восприятием их другими людьми. Такое соответствие становится возможным благодаря общим интеллектуальным реакциям; имеет отношение к языку, речи, восприятию, поскольку тот, кто говорит, ожидает от слушателя, что озвученные, высказанные им идеи будут адекватно восприняты и в целом будут поняты. Тем самым *адекватность восприятия и понимания нас* другими людьми, которую мы ожидаем и на которую надеемся, зависит от языка. Но вместе с тем и от общего смыслового поля, как языкового, так и понятийного. Именно на этом уровне социальной коммуникации происходит процесс согласования мнений, соотнесения смыслов, как однозначно понятых,

так и подвергаемых сомнению или критике. При этом рациональная стратегия социальной коммуникации такова, что учитывает необходимость соблюдения следующих предварительных условий понимания: сомнения должны быть мотивированы, а мотивация обоснована. Эти требования особенно актуальны при партнерском диалоге, когда целью является получение консенсуса мнений и воззрений.

Список литературы

1. Бекбосынова, Ж. Б. Проблемы герменевтики (Понимание и интерпретация в культурно-исторической коммуникации) / Ж. Б. Бекбосынова. – М.: Луч, 1992. – 166 с.
2. Юдин, Б. Г. Объяснение и понимание в научном познании / Б. Г. Юдин // Вопросы философии. – 1980. – № 9. – С. 52–58.
3. Яскевич, Я. С. Методология и этика в современной науке: поиск открытой рациональности / Я. С. Яскевич. – Минск: Вышэйшая школа. 2007. – 136 с.